

Мелхиседекъ Значко-Яворскій.

(Къ столѣтію со дня его смерти).

то лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ перваго на второе іюня 1809 г. ¹⁾ въ Глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній старецъ—настоятель этого монастыря, архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій. Смерть его прошла совершенно незамѣтно для современниковъ, но это произошло вовсе не потому, что Мелхиседекъ былъ безцвѣтною личностью, не оставившею по себѣ никакого слѣда въ исторіи. Онъ только, такъ сказать, пережилъ себя, проживъ какъ-бы на покой около сорока послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Но было время,—еще въ первые годы царствованія Великой Екатерины,—онъ проявлялъ удивительную энергію и обнаружилъ дѣятельность, занесенную на страницы исторіи и обвѣянную роемъ народныхъ преданій и легендъ. Его дѣятельность возбуждала страсти, волновала народные массы, одно время служила предметомъ оживленной дипломатической переписки между Петербургскимъ и Варшавскимъ кабинетами. Теперь ко дню столѣтія со дня его кончины, когда мы такъ далеко отошли отъ той эпохи, уместно, думается, сдѣлать попытку безпристрастнаго сужденія о личности Мелхиседека и его дѣлахъ.

Мелхиседекъ происходилъ изъ старинной, видной казацкой фамиліи и родился около 1720 г. въ г. Лубнахъ отъ мѣстнаго полкового есаула Карпа Значко-Яворскаго. Тогдашняя малороссійская старшина, зародышъ будущаго здѣшняго дворянства, весьма благосклонно относилась къ мѣстнымъ духовнымъ школамъ, какъ единственнымъ разсадникамъ просвѣщенія, охотно отдавая сюда въ „латинскую

*

¹⁾ Написано въ 1909 г.

Ред,

науку“ своихъ сыновей. Такимъ вполнѣ естественнымъ путемъ попалъ Мелхиседекъ, отпрыскъ дворянско-военнаго рода, для выучки въ духовную школу—Кіевскую академію. Изъ академіи многія дворянскія дѣти избирали себѣ обычную свѣтскую карьеру, но нѣкоторыя, проведши рядъ годовъ въ академическомъ Братскомъ монастырѣ, увлекались монашествомъ и оставались въ духовномъ вѣдомствѣ. Такъ случилось, напримѣръ, около этого времени съ двумя представителями родовитой малороссійской фамиліи Горленко (знаменитымъ впослѣдствіи епископомъ бѣлгородскимъ Іоасафомъ и братомъ его архимандритомъ Митрофаномъ). И изъ семьи лубенскаго есаула Карпа Значко-Яворскаго три сына пошли по полковой службѣ, а двое приняли монашество. Въ числѣ послѣднихъ былъ и старшій сынъ есаула. Не доучившись въ академіи, онъ вышелъ изъ класса философіи и отправился въ польскую Украину, гдѣ былъ рядъ монастырей, жившихъ почти независимыми, самоуправляющимися общинами, и въ одномъ изъ нихъ—Троицкомъ Мотренинскомъ въ 1745 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Мелхиседека.

Не особенный любитель академической науки—Мелхиседекъ оказался въ монастырѣ прекраснымъ практическимъ дѣльцомъ и быстро выдвинулся среди монастырской братіи, которую, повидимому, превосходилъ и теоретическими познаніями, какія успѣлъ вынести изъ академіи. Братія Мотренинскаго монастыря скоро предоставила ему видную роль въ монастырской жизни, избирая его послѣдовательно на отвѣтственныя должности—казначея, намѣстника и, наконецъ, въ 1753 г. игумена—настоятеля обители.

Сперва Мелхиседекъ игуменствовалъ въ безвѣстности. Но скоро на него обратилъ вниманіе одинъ изъ переяславскихъ епископовъ, которымъ, хотя они жили и за границею—въ русскомъ государствѣ, подчинялась въ церковномъ отношеніи часть православнаго населенія польской Украины. Это былъ энергичный старикъ—Гервасій Линцевскій (1757—1769 г.г.). Познакомившись хорошо съ Мелхиседекомъ, Гервасій довѣрилъ ему завѣдываніе всѣми православными церквами и монастырями зарубежной части своей епархіи. Это было въ сентябрѣ 1761 г. Съ этого момента начинается кипучая дѣятельность Мелхиседека, стяжавшая ему историческую извѣстность.

Къ тому времени пропаганда уніи имѣла большой успѣхъ среди подвластнаго Польшѣ малороссійскаго населенія правобережной Украины. Простой малороссійскій народъ плохо разбирался въ тонкостяхъ религіозныхъ различій между православіемъ и уніей, но искренно ненавидѣлъ своихъ господъ—поляковъ, отъ которыхъ испытывалъ вмѣстѣ съ религіозными стѣсненіями и тяжкій социаль-

но-экономическій гнетъ. Пробудить въ народѣ религіозное сознаніе, возгрѣть въ немъ любовь и преданность къ вѣрѣ отцовъ—православію, „исторгнуть его изъ зубовъ уніатскихъ“,—такую задачу поставилъ себѣ Мелхиседекъ. Съ энергіей принялся онъ за это дѣло и имѣлъ въ немъ несомнѣнный успѣхъ. Многіе изъ украинскаго населенія, попавшіе въ унію по одному недоразумѣнію, только теперь разобрались въ немъ, съ охотою откликнулись на зовъ Мелхиседека и поспѣшили послать депутатовъ въ Переяславъ за православными священниками и антимирами.

Однако встрѣтилось сильное противодѣйствіе—со стороны господствовавшихъ здѣсь католиковъ и уніатовъ, энергіи Мелхиседека противопоставившихъ свою энергію. Тогда Мелхиседекъ задумалъ большое дѣло—заинтересовать здѣшнимъ религіознымъ вопросомъ императрицу Екатерину. Съ этой цѣлью лѣтомъ 1765 г. Мелхиседекъ поѣхалъ въ Петербургъ, два мѣсяца прожилъ здѣсь, заинтересовалъ своимъ дѣломъ членовъ Синода и успѣлъ добиться личнаго свиданія съ Екатериной. И раньше интересовавшаяся польскимъ вопросомъ и имѣвшая виды на Польшу, императрица Екатерина любезно приняла Мелхиседека и съ охотою обѣщала исполнить просьбу его о поддержкѣ православныхъ въ польской Украинѣ, такъ какъ въ этомъ увидѣла одно изъ средствъ—„все глубже и шире проявлять свое вліяніе на польскія дѣла“. Ободренный нравственной и матеріальной поддержкой императрицы, Мелхиседекъ, возвратившись въ Украину, съ удвоенной энергіей продолжалъ свои мѣры по отвращенію мѣстнаго населенія отъ уніи и утверженію его въ православіи. Вполнѣ естественно, что пропорціонально успѣху Мелхиседекова дѣла возрастала злоба фанатичныхъ поляковъ противъ православныхъ,—съ 1766 г. поднялось здѣсь чуть-ли не открытое гоненіе на болѣе видныхъ представителей православія, руководимое офиціаломъ мѣстной уніатской митрополіи Григоріемъ Мокрицкимъ. Не избѣжалъ рукъ фанатиковъ и самъ Мелхиседекъ, прозванный ими „царемъ схизматицкимъ“. Лѣтомъ того же 1766 г. Мелхиседекъ былъ тайно схваченъ своими врагами внѣ стѣнъ Мотренинскаго монастыря, арестованъ, подвергнутъ тяжелому тюремному заключенію въ Грудкѣ и разнымъ издѣвательствамъ и, еле оставшись живымъ, только случайно спасся при помощи неизвѣстныхъ благодѣтелей, устроившихъ ему тайный побѣгъ изъ-подъ ареста.

Послѣ вынесенныхъ страданій Мелхиседекъ продолжалъ свое попеченіе о православномъ населеніи польской Украины, ѣздилъ даже хлопотать въ Варшаву объ улучшеніи его юридическаго положенія, но уже не рѣшался болѣе жить въ своемъ Мотренинскомъ

монастырѣ и развѣзжать по окрестнымъ мѣстамъ правобережной Украины. Свою постоянную резиденцію онъ утвердилъ теперь въ мѣстѣ безопасномъ—лѣвобережномъ Переяславѣ. Между тѣмъ брошенное Мелхиседекомъ въ польской Украинѣ сѣмя принесло большіе плоды,—большіе, чѣмъ ожидалъ того онъ самъ. Поднятое Мелхиседекомъ религиозное движеніе расшевелило украинскихъ „хлоповъ“, и они скоро отъ протеста противъ навязанной польскими панами вѣры весьма легко и просто, въ отсутствіе Мелхиседека изъ Украины, перешли къ рѣзкому выраженію недовольства всѣмъ польскимъ гнетомъ—въ совокупности разныхъ его проявленій. Вышедшее въ началѣ 1768 г. изъ среды фанатичной польской шляхты движеніе конфедератовъ еще болѣе взволновало польскую Украину, и къ концу весны того же года здѣсь вспыхнуло зарево пожара, вышедшее изъ среды мѣстныхъ „хлоповъ“. Поднялась „колівщина“ съ ея кличемъ—„ни ляха, ни жида!“,—центральнымъ моментомъ ея была кровавая Уманская рѣзня. Взбудораженная, оставшаяся безъ руководителя, сбитая къ тому же съ толку колебаніями неустойчивой русской политики, значительная масса украинцевъ, легко довѣрившись темнымъ слухамъ, опьянилась сладкимъ ядомъ вѣковой вражды къ полякамъ и увлеклась необузданной жаждой мести.

Русскому правительству это народное волненіе въ Украинѣ было весьма непріятно, такъ какъ оно еще болѣе усложняло путаницу въ польскихъ дѣлахъ, могло набросить въ глазахъ Европы тѣнь на русскую политику, мѣшало осуществленію делѣвшейся тогда въ Петербургѣ мечты о постепенномъ подчиненіи всей Польши. Украинское волненіе было подавлено русскими войсками, виновные и замѣшанные въ немъ были судимы.

Подозрительно относившіеся къ Мелхиседеку представители русской власти хотѣли, повидимому, привлечь и его къ отвѣтственности, но, очевидно, Мелхиседекъ оказался неуязвимымъ. Сказки о судѣ надъ Мелхиседекомъ, принимаемыя на вѣру нѣкоторыми польскими историками (Т. Корзонъ, В. Смоленскій), нынѣ при свѣтѣ новыхъ архивныхъ разысканій совершенно разсѣваются¹⁾. Въ возстаніи онъ не участвовалъ, и только пылкая фантазія увлекающагося историка-романиста Д. Л. Мордовцева могла нарисовать его страстнымъ агитаторомъ, подготовившимъ и давшимъ починъ страшной Уманской рѣзни (см. извѣстную монографію его „Гайдамачина“). Не былъ Мелхиседекъ и „совершеннымъ плутомъ“,

¹⁾ См. архивные матеріалы, опубликованные нами въ январьской, мартовской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1905 г.

способнымъ на все, какимъ характеризовалъ его современный той эпохѣ русскій посолъ въ Варшавѣ — князь Н. В. Репнинъ. Но съ другой стороны это не была также и та рѣдкая, свѣтлая героическая личность, какою, несомнѣнно идеализируя, представляетъ Мелхиседека его извѣстный, давнишній биографъ Ѡ. Г. Лебединцевъ.

Непосредственнаго участія въ украинскомъ народномъ движеніи 1768 г. Мелхиседекъ не принималъ (онъ въ это время и жилъ въ Переяславѣ, а не на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ происходило возстаніе), но его миссіонерская дѣятельность — совершенно для него самого неожиданно — сыграла видную роль въ томъ общенародномъ движеніи на Украинѣ, которое привело къ „коліивщинѣ“.

Это былъ заурядный монахъ, „къ послушаніямъ способный“, отличавшійся дѣловитостью и практическими способностями въ узкой сферѣ монастырской жизни — и только. Его попытка — можетъ быть имъ самимъ хорошо не сознавая, — стать во главѣ большого религіозно-народнаго дѣла, вмѣшаться въ жизнь народную — ему не удалась, да и не могла удалась. Къ ней онъ не былъ подготовленъ, онъ, который мало зналъ жизнь мірскую, обладалъ небольшимъ запасомъ знаній, чуждъ былъ широкихъ умственныхъ интересовъ. Не обладая проницательностью и дальновидностью, Мелхиседекъ былъ удивленъ и напуганъ тѣмъ, во что вылилось поднятое имъ же на Украинѣ народное движеніе, и тщетно пытался письменными увѣщаніями остановить его: ушедши за Днѣпръ, онъ не могъ уже имѣть прежняго вліянія на своихъ духовныхъ дѣтей, сбитыхъ съ толку „золотою грамотою“ и разными слухами.

Напугавшись неожиданныхъ результатовъ своей широкой дѣятельности на Украинѣ, Мелхиседекъ послѣ этого въ дальнѣйшей своей жизни ограничилъ себя скромной ролью зауряднаго монастырскаго настоятеля и консисторскаго члена, ничѣмъ не выдѣлявшагося изъ ряда подобныхъ ему иноковъ. Когда разыгралась „коліивщина“, Мелхиседека велѣно было „пристойнымъ образомъ“ не пускать на правый берегъ Днѣпра, и онъ назначенъ былъ настоятелемъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря. Въ 1771 г. его перетянулъ къ себѣ въ Кіевъ новый здѣшній митрополитъ Гавріилъ Кременецкій (1771—1783 гг.), довѣрившій ему отвѣтственную должность кафедральнаго намѣстника и члена консисторіи. Одновременно съ тѣмъ онъ числился игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря (1774—1781 гг.), затѣмъ архимандритомъ Лубенскаго (1781 г.) и Глуховскаго Петропавловскаго монастыря (съ 1781 г.). Въ 1783 г. онъ былъ отпущенъ изъ Кіева въ свой Глуховскій Петропавловскій

монастырь, которымъ и управлялъ до смерти, при чемъ состоялъ еще нѣкоторое время членомъ Новгородъ-Сѣверской консисторіи.

Такъ мирно въ монастыряхъ протекали послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни, и онъ, незамѣтно и исполнительно совершая настоятельское служеніе, неизмѣнно сохранялъ за собою репутацію инока „къ послушанію по качествамъ хорошаго“, „къ наблюдательству надъ братією и къ домостроительству довольно способнаго“. Послѣднія сорокъ лѣтъ его жизни ничего не прибавили къ его прежней извѣстности, и онъ умеръ забытый всѣми,—въ то время, когда многіе считали его давно уже умершимъ. Но эти-то именно годы его мирной, невидной жизни, можно думать, при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ и дадутъ намъ возможность лучше и вѣрнѣе опредѣлить духовный обликъ этого, нѣкогда, можетъ быть совершенно неожиданно для себя столь нашумѣвшаго инока...—Во всякомъ случаѣ имя Мелхиседека Значко-Яворскаго, если и отбросить легенды о немъ и оставить идеализацію его личности, останется въ исторіи въ силу несомнѣнной связи его съ религіозно-народнымъ украинскимъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка.

Владиміръ Пархоменко.

